

С И М О Н О с и а ш в и л и

*Дорогие мои
старикки*

Симон Осиашвили

Дорогие мои старики

ТД "Белый город"

2020

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)65

Осиашвили С. А.

Дорогие мои старики / С. А. Осиашвили — ТД "Белый город",
2020

ISBN 978-5-00119-057-8

Пронзительное стихотворение Симона Осиашвили «Дорогие мои старики», ставшее песней на все времена, дало название сборнику стихов этого замечательного автора. Глубокий лиризм, тонкая ирония и мастерское владение словом порадуют истинных ценителей поэзии, а любители песенного жанра с удовольствием вспомнят всенародно любимые «Не сыпь мне соль на рану», «Мамины глаза», «Колодец», «Зимний сад», «Все мы бабы – стервы», «Ты не ангел» и десятки других произведений, вошедших в золотой фонд отечественной песни. Стихотворное повествование органично переплетается с рассказом Симона Осиашвили о его непростой судьбе, мистических случайностях, радикально изменивших его жизнь, творческих встречах с известными исполнителями и о том, как рождались его самые знаменитые песни. Сюрпризом для читателя будет впервые публикуемая проза Симона Осиашвили, в которой он предстает как писатель, тонко проникающий в психологию разных персонажей.

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)65

ISBN 978-5-00119-057-8

© Осиашвили С. А., 2020
© ТД "Белый город", 2020

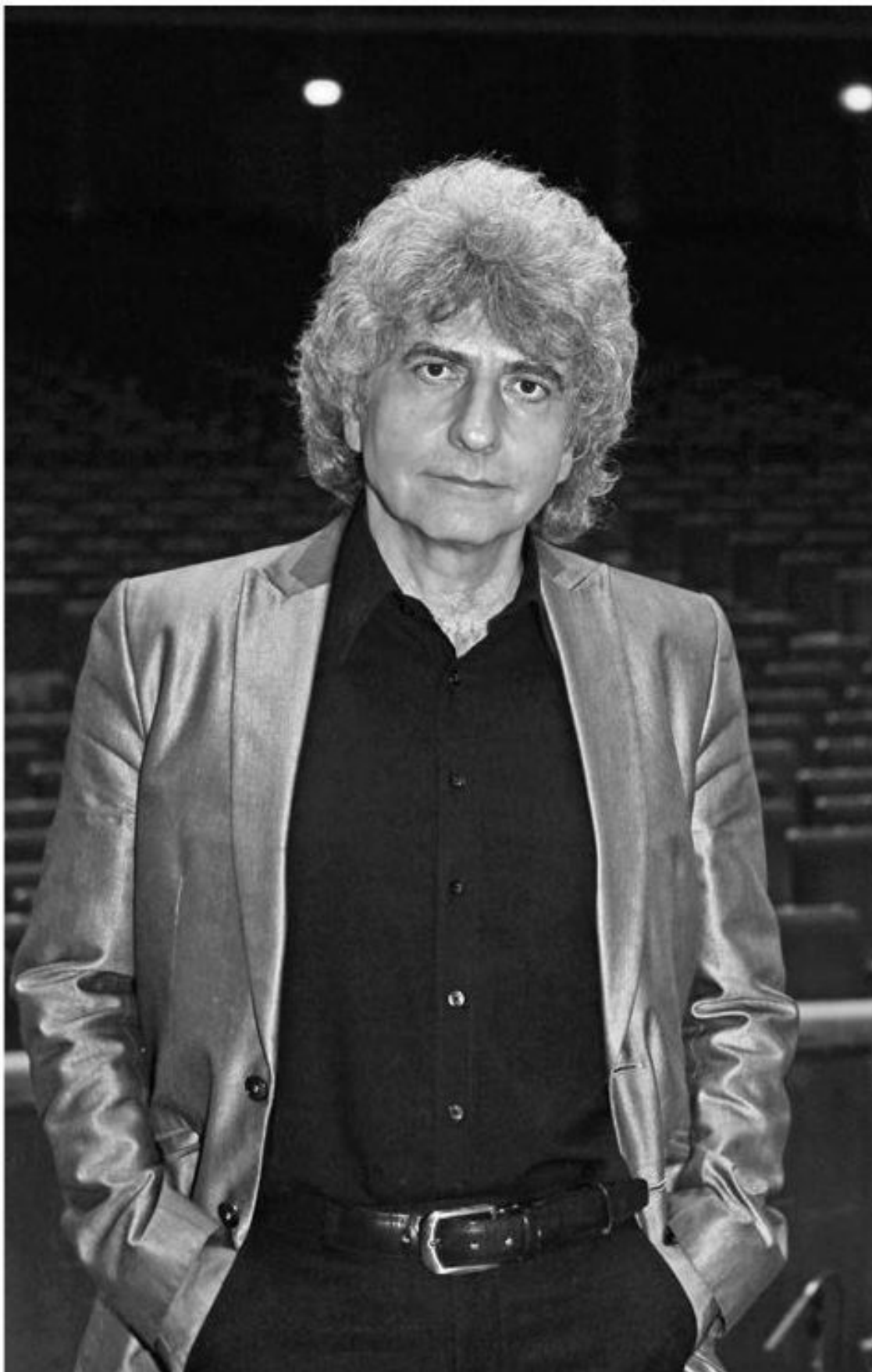
Содержание

«Я был физическим лицом...»	9
Мне досталась всего только жизнь	10
«Мне досталась всего только жизнь...»	12
«Я жизнь освобожу от штор...»	13
Утро	14
В провинции	15
На крыше	16
«Перелистаю облака...»	17
Костел	18
Радищев	19
Средневековое каприччио	20
Одиночество	22
Проводы	23
Засуха	24
«Олень склонился над рекой...»	25
«Олени вечером доверчивы...»	26
«Твои письма, как капли крови...»	27
«Такое время дня...»	28
«Я заглянул в твоё окно...»	29
«Ничему не научился...»	30
Черно-белый фотоснимок	31
Прибалтийский сюжет	33
Конец дождя	34
«Освобождалось небо от грозы...»	35
Письмо	36
«Поцелуй – словно выстрелы...»	37
Пьяный вальс	38
Амулет	39
Апрель	40
«Как хорошо целоваться весной...»	41
Осень наступила ночью	42
«Этой осенью осень сошла с ума...»	43
«Деревья осенью пугливы...»	44
«Как день ноябрьский постарел...»	45
Осенний романс	46
«Что осталось от осени...»	47
Предзимье	48
«Посольство севера, старинная зима...»	49
Зимние дожди	50
«Бежишь...»	51
«Видишь, солнце попало в яблочко...»	52
«Я один стою на пристани...»	53
Черно-белый фотоснимок	54
Все цветы	55
Не сыпь мне соль на рану	57
Зимний сад	58

Ты не ангел	59
Пепел любви	60
Колодец	61
Дни летят	62
Все цветы	63
На небе след моих губ	64
За милых дам	65
Капля в море	66
Я пришел к тебе совсем	67
Бабушки-старушки	68
Спасатель	69
Одуванчик мой, моя любовь	70
Продавец цветов	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Симон Абрамович Осиашвили

Дорогие мои старики

© Осиашвили С.А. текст, фото, 2020

© ООО ТД «Белый город», дизайн, макет, 2020

У меня нет детей... И никто никогда ко мне не обратится со словами, которые много лет назад я написал для песни ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ. По этому поводу можно печалиться, но утешением мне является то, что когда-то эти слова я сказал своим родителям. И время показало, что это тронуло сердца не только моих стариков, но и многих-многих незнакомых мне людей. Наверно, потому, что меняется все: эпохи, страны, социальные строи – и только наши чувства к родителям остаются неизменными. Я не сочинял эти стихи, я просто записал их под диктовку небес – и они стали жить своей жизнью... Для автора это самая большая награда, когда люди не задумываются о том, кто написал песню, а просто помнят ее и поют.

У меня нет детей, но есть стихи и песни, которые радовали меня и огорчали, иногда оправдывая мои надежды, а порой нет, какими-то я горжусь, а некоторыми не очень. Все как бывает с детьми. Потому что они и есть мои дети... И если они останутся после меня – значит, я не напрасно жил на свете.

«Я был физическим лицом...»

Я был физическим лицом,
жил, уклоняясь от налогов,
и скучен был, как управдом
(простите мне нехитрый слоган)...
Но вот ко мне вломился Логос —
и жизнь моя пошла на слом
и покатилась кувырком,
в чертополох вплетая лотос, —
и было это как погром,
но это понял я потом,
а в тот момент я слышал ГОЛОС!
И, словно Ева, я вкушал
запретного плода кислинку
и, в новый мир открыв портал,
сыграл по старому поминки —
конкистадор, надувший инку,
наверно, меньше ликовал,
меняя бусы на металл,
чем я, попавши в серединку
мишени слов своим пером, —
и пусть не нажил я хором,
но, у небес подслушав гром,
его на русский перевел —
и счастлив был, как новосел,
мурлыча что-то под сурдинку,
когда переплетенье слов
из полуяви, полуснов
рождало новую картинку.
Я умирал и воспарял,
я убивал и воскрешал,
я был роскошным и убогим —
и в мире, что открылся мне
в слезах, в сомнениях, в огне,
я стал создателем, отцом,
а не физическим лицом —
простите мне и этот слоган.

Мне досталась всего только жизнь

Когда-то я был положительным человеком. Окончил политехнический институт в родном своем городе Львове, работал программистом в большом вычислительном центре – и все в моей жизни было ясно и понятно. Тем более что профессию я себе выбрал совершенно осознанно – еще в школе я был победителем областных и республиканских математических олимпиад, так что никем иным кроме как технарем себя не мыслил. И уж во всяком случае не гуманитарием точно. Все, собственно говоря, так и складывалось, пока однажды не прочитал я в журнале «Юность» повесть актера «Таганки» Вениамина Смехова «Служенье муз не терпит суеты». И вот в этой повести были процитированы стихи некоего безымянного автора. Это через несколько лет, когда были положены эти стихи на музыку, стали они популярной песней «Под музыку Вивальди». Но случилось это потом, а тогда, прочитав эти стихи, я просто сошел с ума. И дело не только в том, что стихи эти с бесконечными аллитерациями, с набегающими друг на друга, как волны, строками очень музыкальны. Вспомните:

*Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди и вьюгу за окном
Печалиться давайте, давайте, давайте,
Печалиться давайте об этом и о том...*

Для меня, пожалуй, главное всего оказалась ситуация возвращения к предыдущей любви, описанная в этих стихах:

*Но только ты молчала, молчала, молчала,
И головой качала любви печальной в такт,
А после говорила, поставьте все сначала,
Мы все начнем сначала, любимый мой. Итак...*

А у меня как раз в жизни тогда именно это и происходило, я тоже возвращался к предыдущей любви. И вот все вместе, эти волшебные красивые стихи и эта ситуация – все это просто свело меня с ума. Я стал без конца бормотать про себя эти строки, днем и ночью, наяву и во сне – постоянно. А через некоторое время я вдруг обнаружил, что бормочу уже другие слова, то есть не просто слова, а стихи, которые я сочинил сам. Вот это новость! Я ведь до этого стихов никогда не писал, даже в том романтическом возрасте, когда просто положено это делать. Да и не читал их почти. А тут на тебе, взрослый двадцатичетырехлетний положительный человек, с серьезной профессией, вдруг занялся таким эфемерным делом. Смешно! Но мне было не до смеха. Потому что несколько месяцев спустя выяснилось, что я просто не могу без этого жить. И это было действительно не смешно. Меня перестало интересовать все на свете, кроме сочинительства. И в этом было огромное мое счастье, потому что до этого жил я по накатанной не мной колее: школа, институт, работа – и вдруг пришло ко мне Нечто, перевернувшее и захватившее всю мою жизнь. Но это, так сказать, эмоциональная сторона дела. А была еще и рациональная. Работа программиста стала меня тяготить, я хотел профессионально заняться сочинительством и отдавал себе отчет, что и образован я в гуманитарном смысле мало, да и в украиноязычном Львове мне с русскими стихами далеко не пойти. И выход мне виделся один – Литературный институт. Тот самый, знаменитый, имени Горького. Выпускникам которого, как мне казалось из львовского далека, открыта прямая дорога в Литературу. Вот и собрал я свои стихи, положил их в конверт и отправил в Москву, на творческий конкурс в Литературный институт. Не знаю, как сейчас, а в те годы, когда страна наша была самой читающей в

мире, оказалась она еще и самой пишущей. И конкурс в Литературный институт был свыше трехсот человек на место. Потому что один такой он был на всю одну шестую часть мира. Но как-то повезло мне, что ли, прошел я конкурс, вернее, стихи мои прошли, и приехал я сдавать вступительные экзамены. Но об этом позже, а сейчас я покажу вам стихи, с которыми приехал я в Москву. Но прежде хочется обратить внимание на одну вещь. Помните, я писал, что к стихотворчеству меня привело совершенно конкретное обстоятельство, а именно стихи из повести Вениамина Смехова. А если бы мне не попался тот журнал, я до сих пор был бы программистом в городе Львове. Представляете! Вот так случай может перевернуть судьбу. Я, как говорится, по гроб жизни буду благодарен Смехову за эту свою метаморфозу, впрочем, каким-то образом я с ним расквитался – для его дочери Алики Смеховой я написал несколько песен, а одна из них «Не перебивай» какое-то время была достаточно известной. Я рассказал Алике о том, какую роль в моей судьбе сыграла повесть ее отца, она вместе со мной поудивлялась тому, как лихо бывают закручены жизненные сюжеты, и мы вместе решили, что все в этой жизни взаимосвязано и закольцовано. Впрочем, до этого еще далеко. Я еще только поступаю в Литературный институт со своими ранними стихами, круто меняя свою жизнь...

«Мне досталась всего только жизнь...»

Мне досталась всего только жизнь...
Словно льдинка на речке весенней,
убывает, искрится, дрожит —
и смертельное это веселье
может вызвать безжалостный смех,
ну а может и чистые слезы.
Я не буду счастливее всех
и несчастней не буду, но все же
не забудьте, что я — это я,
пусть важнее имеются лица.
Эта льдинка — ведь жизнь моя...
Этот лед еще выдержит птицу.
Пусть несет меня жизни река,
пусть швыряет о камни и в омут —
знаю: льдинкина жизнь коротка,
но я жить не могу по-другому.
Даже если слеза задрожит,
улыбаюсь я белому свету...
Мне досталась всего только жизнь —
и прошу, не забудьте об этом!

«Я жизнь освобожу от штор...»

Я жизнь освобожу от штор
И сердце для нее открою —
И зазвучит в душе мажор,
И крылья вздрогнут за спиною...

Жизнь улыбнется мне сквозь дождь,
И губ моих коснется ветер —
И я отдам последний грош
За счастье просто жить на свете...

Утро

Расправляет затекшие крылья петух,
прикоснулся губами к свирели пастух,
и художник рукой потянулся к холсту,
и кузнец не скучает – слышать за версту,
и к далекому небу рванулась трава —
и в стихи превратились ночные слова.

На крыше

Собираюсь я по крыше погулять —
я же раньше никогда на крыше не был —
прихвачу для рисования тетрадь,
ну а краски попрошу взаймы у неба.

Я по крыше, как по площади пройду,
познакомлюсь с голубями и котами,
почитаю, им, что вспомню, наизусть —
а они в ответ помашут мне хвостами.

Только вдруг на крыше будет все не так,
и не встречу я ни голубей, ни кошек,
заколоченным окажется чердак,
а на небо будет серый день наброшен.

Так что с небом я уж лучше подожду,
пусть другие забираются на крышу —
и по улицам дождливым я иду,
только в лужах все равно я небо вижу...

«Перелистаю облака...»

Перелистаю облака,
Перечитаю небо —
Не все пустила с молотка
Эпоха ширпотреба.

Не все дано приобрести
За тысячи и сотни:
Светильник Млечного пути
Не для продажи соткан.

И озарит небесный свет
Забывшую дорогу —
И вы поймете: смерти нет,
А есть тропинка к Богу.

Пускай лабазник прячет взгляд
Как барахло в подвале,
Не для него во тьме горят
Небесные скрижали...

Костел

Как голова, увенчанная терном,
костела профиль в небе равнодушном —
так одинок, так судорожно вздернут...
Вороны, раздирая воздух душный,
над готикой вечернею повисли,
пейзаж окрестный безнадежно беден —
и кажутся кошунственными мысли,
что не равна гармония победе.

Великолепье канувшего века,
готического храма взрыв могучий,
пересечение воздуха и света —
но по спине озноб ползет колючий...
Зачем взорвалось готикой строенье,
когда здесь человек так мал и жалок?
Не для того ли, чтоб в оцепененье
душа не воспаряла, а дрожала.

Печален век, когда души недужный
удел — не воспарять, а покоряться.
И воронье над готикою кружит —
над жаждой гибельной с Всевышним
поравняться...

Но даже превратясь в сплошную рану,
душа не примиряется с разрухой —
она не Бога ищет в Божьем храме,
а профиль в небе — как величье духа.

Радищев

Ты пытался водой этой черной умыться,
Этих медленных струй возмутить естество,
но на родине нищей ты лишний, патриций —
и она не признала родства твоего.

Тяжелы времена, но удел тяжелее,
если вещей огонь прозябает в груди...
Нет покоя уже в петергофских аллеях,
но февраль и декабрь еще впереди.

Не потребны отчизне твои воспаренья —
видно, каждое слово имеет свой срок.
Можно спрятать гордыню под маской смиренья,
но возможно ли жить, если так одинок?

...Этой черной воды пригуби на прощанье,
Этой нищей землей хоть карманы набей,
а ненужные крылья сложи за плечами —
утро вечера не мудреней...

Вот теперь ты готов. И до самого края
яд туманный в семейную чашу налит...
Хлещет кровь из судьбы – вовсе не голубая,
и немая гортань о свободе хрипит.

Средневековое каприччио (Диптих)

1. Монолог ведьмы

Извивается небо, пронзенное жаркими
 стрелами молний,
и исходит дождем – светлой кровью небес.
Подставляю ладони, чтоб небом наполнить
и домой принести – чтобы милый воскрес.

Поцелую пресветлую кровь поднебесья
и омою незрячие очи его,
и взмолюсь темным силам болота и леса —
чтоб свершилось святое мое колдовство.

Никогда, никогда мне волшебство не давалась,
но не даром же крестится встречный народ —
если Богу душа дорогая досталась,
пусть себе сатана мою душу возьмет.

Чтобы милый воскрес, чтобы светлое небо
не напрасно катилось по мертвым щекам,
стану ведьмой седой, а потом на потребу
городскому костру свое тело отдам.

2. Казнь

Светает.
Плывешь за цветами.
С ветрами.
И челка
галчонком
летит над лодчонкой,
качаясь.
Очами
лови это утро
над лодочкой утлой —
и с каждой минутой
душа твоя будет печальней.
Плечами
почувствуешь холод беды незнакомой
и вспомнишь, что дома

все птицы ночные кричали...
Ныряй!
Окунайся в запретную темень
обветренным телом,
рассветная дева.
Зеленый огонь обожжет твои ноги,
и брызги в тревоге
скользнут по щекам...
Кукушка, считай!
Считай все слезинки колдуньи умытой,

что в этот ручей
в свете ранних лучей
скатились по зелени трав перевитых
из детских очей...
Горячей! Горячей
огонь разгорается желто-зеленый,
зеленого меньше, но больше огня —
и слезы не гасят костер разожженный...

На площади
в городе
ведьму казнят.

Одиночество

Стареет аист.
Дерево растет,
гнездо приподнимая к небу,
и урожай сменяет недород,
и в быль перерастает небыль.
И женщина стареет, и слеза
плывет своей привычною дорогой,
и не смахнуть с усталого лица
сеть времени. И светится убого
в ночи пустынной старенький «Рекорд»,
и в этом свете, медленном и странном,
мерцает женщина... Но гаснет за экраном
заемной жизни голубой узор.
А ночь, пространство сжав до пустоты,
плывет все дальше, медленно и скучно,
но наконец на смену ей тщедушный
встает рассвет из дебрей темноты.
И нужно жить среди забот дневных,
а женщина все смотрит за ворота,
где старый аист парой крыл тугих
все машет и, готовясь к перелету,
знакомит с небом малых аистят,
их крылышки беспомощно свисают,
но в каждом аистенке виден аист —
и их глаза загадочно блестят...

Проводы

Спасенный эхом, звук вернется,
но здесь его уже не ждут —
уже захлопнуто оконце,
и лишь ольхи недужный прут,
быть может, на ветру качнется...
Следы к дороге приведут.

Уже телега отстучала,
и безразлична вновь трава,
лишь у дощатого причала
волна качается едва.
Потом и речка замолчала,
отговорив свои слова.

А там и лодки след растает,
и, завершая долгий круг,
звук, ставший эхом, перестанет
тревожить, наконец, мой слух...
А дальше – тишина пустая.
Да время валится из рук.

Засуха

Умирает колодец.
Охрипшее горло его
обложил душный мох, как налет при ангине.
И пустым возвращается к небу ведро —
ничего, кроме солнца в безжалостной сини.

И расплавленный воздух стекает на дно,
выпивая последнюю влагу колодца.
Но со дна – если вверх посмотреть, как в окно, —
видно: в небе звезда не погасшая бьется.

«Олень склонился над рекой...»

Олень склонился над рекой —
рога, как взрыв над головой, —
и пьет неторопливо.
Не потревожьте водопой,
олений короткий покой —
чуть дольше взрыва.

«Олени вечером доверчивы...»

Олени вечером доверчивы...
Их морды в дебрях темноты
мерцают над погасшей речкою,
над тайной шепчущей воды.

Олений лик вплетен в созвучие
воды, ветлы и тишины.
Река ведет свою излучину —
а вы покоя лишены:

что шепчет им вода вечерняя,
смывая вкус травы дневной,
даруя лицам их свечение
и этот царственный покой?

«Твои письма, как капли крови...»

Твои письма, как капли крови,
исцеляют меня, когда
мне ничто не поможет, кроме
твоего далекого «да».

...Среди ночи глаза открою,
осознанием ошеломлен —
у меня твоя группа крови
и твоей головы наклон.

«Такое время дня...»

Такое время дня,
такое время года,
что слава не нужна
и не нужна свобода.

Должно быть, заодно
ноябрь и бездомность,
когда твоё окно
взошло звездой бездонной.

Похороню крыло
у твоего порога —
окно твоё взошло
над бедною дорогой.

Окно твоё взошло,
последним светом брызнув,
и слово не спасло —
такое время жизни.

«Я заглянул в твоё окно...»

Я заглянул в твоё окно —
и сразу запотели стекла,
и света яркое пятно
подернулось туманом блеклым.

Должно быть, в комнате тепло,
и без меня тебе просторно —
свело узорами стекло,
как судорогой сводит горло.

Ведь здесь так холодно, что звезд
не хватит для самообмана —
и сквозь меня пройдет мороз,
и старше на любовь я стану.

«Ничему не научился...»

Ничему не научился,
только время промотал —
без веселья веселился,
без печали горевал.

Порастратил все авансы,
все ошибки совершил,
с нелюбимой целовался,
с неприятелем кутил.

Я былое не исправлю,
за него мне Бог судья,
я лишь крест на нем поставлю,
раз уж так легла судьба.

У разбитого корыта
я не стану горевать,
все мы были жизнью биты —
я хочу ей сдачи дать.

Я еще чего-то стою,
что-то есть еще в груди...
Пусть полжизни за спиною,
но полжизни – впереди!

Черно-белый фотоснимок

Итак, мы остановились на том, что, пройдя творческий конкурс, я приехал в Москву сдавать вступительные экзамены в Литературный институт. Профилирующим экзаменом была, естественно, русская литература. Но тут была одна тонкость. Поскольку институт был единственный на весь Советский Союз и поступать приезжали со всех республик, многие абитуриенты окончили не русские, а национальные школы и русским языком владели постольку-поскольку. И вот для уравнивания шансов выпускников русских и национальных школ экзамен по литературе был в двух вариантах: русскоязычники, назовем их так, писали сочинение, ну а, скажем, националы – диктант. Накануне экзамена были вывешены списки, кто какой экзамен сдает. И тут я к своему удивлению увидел, что фамилия моя стоит в списке пишущих диктант. Первая моя реакция – бежать в приемную комиссию и требовать восстановления справедливости, то есть включения меня в число тех, кто сдает сочинение. А потом я решил, что делать это совершенно не обязательно. В конце концов я честно указал в анкете, что окончил русскую школу, а если меня, вероятно, по моей фамилии внесли в список «диктантников», то это не моя вина. Были тут, конечно, и корыстные соображения. Дело в том, что я был золотой медалист – и, значит, мог быть зачислен в институт по результатам одного (профилирующего) экзамена при условии получения отличной оценки. Такой был порядок в те благословенные времена, не знаю, сохранился ли он до наших дней. Если нет, то жаль нынешних отличников. Так вот, естественно, получить пятерку за диктант было куда как легче, чем за сочинение, где оценивалась не только грамотность, с которой у меня был полный порядок, а еще и художественная часть. А оценка последней дело очень субъективное – кто как посмотрит. Так что я поблагодарил судьбу, сделавшую мне такой подарок, и спокойно отправился писать диктант. Как сейчас помню, диктовали нам отрывок из «Капитанской дочки», я с Божьей помощью получил пятерку, а вот мой сосед, почему-то запомнилось мне его имя – Турсун Бостонкулов, парень из Киргизии, – получил двойку и очень возмущался, потому что списал у меня, как он говорил, все до последней буквы. Но, наверно, с киргизским акцентом. Так я стал второй раз студентом и уехал до осени домой, во Львов. А перед первым сентября одолели меня вдруг сомнения – надо ли мне все это. Ведь мне уже двадцать шесть, я бросаю налаженную жизнь, работу, жилье – определенность, одним словом, и уезжаю в совершеннейший туман. В чужой город, в одиночество, в общежитие, в неясные перспективы. И мне стало страшно. Я не спал ночами, мучился – был в полной растерянности. И здесь решительно выступил мой отец, который сказал, что мне дан шанс круто изменить свою судьбу, попробовать жить совсем другой, возможно, более яркой жизнью – и если я упущу эту возможность, то никогда себе этого не прощу. Да, очень может быть, у меня ничего не получится, но я всегда смогу вернуться, а если не попробую, то другого раза уже не будет. Никогда не нужно жалеть о том, что сделал, жалеть надо только о том, что мог сделать – и не стал. Эти слова я запомнил на всю жизнь. И стараюсь свои поступки сверять с этой формулой. Не всегда, правда, получается, но стараюсь я честно. Надо сказать, что отец мой не случайно так настаивал, чтоб я поехал в Москву. Дело в том, что я каким-то образом повторил его судьбу. Когда-то, еще до войны, папа учился в Тбилиси в финансовом институте и во время преддипломной практики подрабатывал грузчиком. А чтобы легче работалось, пел. И вот подходит к нему некто и говорит: «Молодой человек, вы хорошо поете, вы учитесь в консерватории?» На что мой папа ему отвечает, что ни о какой консерватории он и не слыхивал и что через месяц будет бухгалтером. Тогда папин собеседник заявляет, что такая естественная постановка голоса большая редкость и нужно обязательно заниматься пением профессионально, а быть бухгалтером может каждый. Он оставил отцу свой телефон, и через некоторое время они встретились уже около пианино – и папин знакомец, оказавшийся профессором консерватории, прослушав отца еще раз, написал ему рекомендацию на музы-

кальный рабфак (так в те времена называлось музыкальное училище), окончив которое папа поступил уже в консерваторию и стал профессиональным певцом-тенором. Но это уже другая история, а пока что я поехал-таки в Москву и начал учиться в Литературном институте.

Должен заметить, что, конечно, в смысле литературного кругозора институт меня поднял, но вот что касается стихотворчества, то, по-моему, этому делу обучить нельзя. То есть версификацию освоить можно, но вот стать не графоманом, а поэтом, если этого не дано, невозможно. Наверно, это звучит банально, но поэт в первую очередь определяется мироощущением и отношением к слову и образу, а не способностью рифмовать и ритмически организовывать текст. Но вот чему Литинститут научил меня точно, так это тому, без чего существовать вообще и в шоубизнесе в особенности практически невозможно. Он научил меня держать удар. Дело в том, что у нас по вторникам были обсуждения работ друг друга. Раз в несколько месяцев очередь доходила до каждого – и вот тут начиналось сведение счетов. Если ты не входишь в ту или иную литературную или товарищескую группировку, твои однокашники по семинару поэзии, с которыми ты общаешься ежедневно и вроде нормально, накидываются на тебя (на твою работу, естественно) с таким ожесточением и уничижением, что ты начинаешь ощущать себя совершеннейшей бездарностью, коей не то что в Литинституте делать нечего, а вообще жить не стоит. И выходишь ты побитой собакой и ищешь ближайшее дерево, чтобы свести счеты с жизнью, потому что такой бездари нечего делать на белом свете – и только огромным усилием воли или порцией алкоголя заставляешь себя повременить с этим делом. Ну а через несколько дней появляется сначала желание жить, а потом и работать – и все возвращается на круги своя. И снова жизнь прекрасна. Так вот, именно этот навык держать удар очень помог мне, когда я делал первые шаги в песенном творчестве сначала как автор, а позже и как исполнитель. Впрочем, это еще впереди, а пока я учусь в Литературном институте, подрабатываю ночным сторожем, потому что негоже взрослому дяде брать деньги у родителей, которые, кстати говоря, уже выучили его в политехническом институте. Я сторожил склад электрооборудования около Киевского вокзала, там хранились огромные катушки с кабелем, которые, по-моему, никаких злоумышленников заинтересовать не могли, ибо в советские времена не было еще пунктов приема цветных металлов и частных ЛЭП тоже. Но тем не менее семьдесят рэ я получал плюс сорок рублей стипендии – жить можно. Так существовали многие мои однокашники, и это было нормально. Мне как сторожу была положена собака, она и была. Вернее, он. Звали его, естественно, Рекс, а как еще могут звать дворнягу, и ему ужасно не нравилось, когда я его выгонял из сторожки заниматься прямыми служебными обязанностями, а именно – сторожить. Он отворачивался, делал вид, что я обращаюсь не к нему и, по-моему, обижался, если я настаивал на своем. Но все же он меня уважал и в моем присутствии был очень храбр в собачьих разборках, а если вдруг меня не оказывалось поблизости, Рекс благоразумно ретировался с поля боя, делая вид, что не имеет ко всему этому никакого отношения. Кормили его раз в несколько дней – приносили ведро отходов из ближайшей столовой, и он моментально проглатывал все, от чего его пузо становилось похоже на средней величины арбуз, а настроение делалось благостным и умиротворенным. Правда, ненадолго... Мне нравились часы, проведенные с Рексом, он был хорошим и терпеливым собеседником, думается, я даже любил этого пса и свою сторожку, несмотря на то что однажды чуть не сгорел в ней. Дело в том, что зимой для дополнительного тепла была там самодельная электроплитка, которую я ставил около двух кресел, служивших мне ложем, – и вот однажды рукав дубленки, которой я укрывался, попал в разогретую спираль. Слава Богу, дубленая овчина не горит, а тлеет – и когда я проснулся (а просыпался я много раз за ночь, будили проезжавшие мимо поезда), то увидел, что рукав мой светится в темноте, а в сторожке стоит тяжелый дух паленой овчины. Потом я просто выкрошил истлевший край и ходил с подвернутым рукавом, а все решили, что на меня напал Рекс. Стоила моя дубленка примерно три месячных оклада сторожа, но я не унывал, потому что уж очень хорошие бывали ночи в сторожке. И стихи писались хорошие...

Прибалтийский сюжет

Пустынно.

Сосны.

Мелкая вода.

Ручей в ладони ткнулся по-щелячьи.
А горизонт еще не обозначен,
и осторожно светится звезда,
переплетая светом дым рыбачий.

И волны вновь касаются песка,
как тысячу судеб назад касались,
и рыбаки целуют жен-красавиц,
как целовали в прежние века.

И ожиданье тягостно, как встарь,
и, Боже мой, как далеко до ночи,
когда рыбак единственный хохочет
и голосит: «Хозяйка, куховарь!» —
красивый черт, как на рассвете кочет.

И связку рыбин спелых тянет ей:
– Хорош улов?
– Давай домой, бродяга...
Рыбачка мужа встретит у дверей,
вмиг позабыв про день тревог и тягот.

И уплывает древняя вода,
И тысячи судеб – как не бывало...
Рыбачка убирает покрывало,
И осторожно светится звезда.

Конец дождя

В миг равенства дождя и синевы
зашелестит тугая ветка клена —
и вспыхнет каждый лист огнем зеленым,
и мокрые очнутся соловьи.

Оказывается, уже закат
себе гнездо свивает в поднебесье.
Давайте, соловьи, включайте песню —
чтоб цветомузыкой был этот миг объят!

Полнеба – для дождя, полнеба —
для заката,
и тишины всего чуть громче соловьи...
Так что – приобретение, что – утрата
в миг равенства дождя и синевы?

«Освобождалось небо от грозы...»

Освобождалось небо от грозы,
от ветра дерева освобождались,
хотелось быть счастливым и босым,
как этот сумасшедший мокрый аист,
который, в небеса разинув клюв,
взмахнул крылами, радугою брызнув.
И женщина, из-под руки взглянув
на радугу, повисшую так близко,
освобождала плечи от плаща,
и с каждым мигом становились глуше
воспоминания воды, притихшей в луже,
о времени стремительном дождя.

Письмо

Напишу Вам смешное письмо,
чтобы Вы, прочитав, улыбнулись.
Напишу, с кем бываю в кино, —
и ни слова о том, что люблю Вас.

Отыщу я такие слова,
чтобы Вам на мгновение взгрустнулось.
Напишу, что желтеет листва, —
и ни слова о том, что люблю Вас.

Я попробую так написать,
чтоб волнение к Вам прикоснулось...
Обо всем я сумею сказать —
и ни слова о том, что люблю Вас.

«Поцелуи – словно выстрелы...»

Поцелуи – словно выстрелы,
мы с тобой смертельно ранены,
наши танцы будут быстрыми,
мы танцуем не по правилам.

Ничего, что ночь – случайная,
лучше так, чем в одиночестве.
Может, снова повстречаемся,
если музыки захочется.

Тает дымка сигаретная,
опустели рюмки узкие...
Не шепчи слова запретные —
все равно, утонут в музыке.

Две улыбки на прощание —
и розетка обесточена...
Может, снова повстречаемся,
если музыки захочется.

Пьяный вальс

Пьяный пианист, пьяный контрабас
ночи напролет нам играют вальс.
Этот пьяный вальс так на жизнь похож:
где тут раз-два-три, разве разберешь...

Давай станцуем вместе пьяный вальс,
и, может быть, он снова сблизит нас...
Щекой слезу мою сотри,
и пусть не слышно раз-два-три,
давай попробуем последний раз.

Обними меня, чтобы свет погас...
Вечность напролет мы танцуем вальс,
только пьяный вальс все сбивает счет:
то ли раз-два-три, то ль наоборот...

Амулет

Ты склонись над огоньком свечи
и молитву тихо прошепчи,
чтобы Бог
вам помог
и его не оставил:
в день, когда случится черный час,
чтобы пуля мимо пронеслась —
и вернулся он домой
живой.

Господи, пусть жизнь его спасет любовь,
ведь вернее нету амулета...
Жизнь его спасет любовь,
только им двоим известно это —
и поэтому она
над свечой в ночи молитву шепчет
и верит в сны...
Господи, пусть жизнь его спасет любовь,
ведь вернее нету амулета...
Жизнь его спасет любовь,
только им двоим известно это —
и поэтому она
обязательно его дождется
с этой войны.

Ни разрывов не слышать, ни птиц...
Ввысь душа рвалась, а тело – вниз...
Слышал он
тихий звон —
это ангелы пели...
Но вдруг вспыхнул огонек свечи
от ее молитвы в той ночи —
и глаза он смог открыть,
чтоб жить.

Апрель

Апрель – и стрелки переводятся вперед,
и недоволен заспанный народ,
и в организме витаминов не хватает,
и под ногами черный снег не тает.

Мы существуем из последних сил,
и, как соломинку, зеленый лук хватаем,
и космос обживаемый ругаем,
считая, что он климат изменил.

Мы ссоримся без видимых причин
и по утрам в трамваях не молчим,
и стекла вроде громче дребезжат,
чем это было день всего назад.

Так трудно просыпаться в темноте,
и мысли в голове совсем не те —
нам кажется, что самый лучший час
реформа времени отобрала у нас.

Нам не хватает утреннего сна,
и хмурится рассветная планета...
«А где весна?» – вы спросите, да это
уже давным-давно и есть весна!

«Как хорошо целоваться весной...»

Как хорошо целоваться весной!
Сад возвратился, и дождь, и улыбка,
и, накрывая горячей волной,
юные губы парят надо мной
в небе лица твоего.

Сад истомившийся бредит грозой:
нет ни секунды без птиц или ветра,
и, заслоняя порядок былой,
юные очи летят надо мной
в небе лица твоего.

Темное небо покинул закат...
Может быть, все это мне только снилось?
Но озаряет бушующий сад
неповторимое, как звездопад,
небо лица твоего.

Как хорошо жить на этой земле,
быть молодым и увидеть однажды
как, словно синяя птица во мгле,
новое небо откроется мне —
небо лица твоего.

Осень наступила ночью

Швыряла осень в наступленье
дожди и ветры, и всю ночь
о крышу билась в иступленье,
и уносила листья прочь.

Забывтый ставень гулко хлопал,
старинный сотрясая дом
и заглушая шепот стекол,
озвученных ночным дождем.

Ломилась осень в двери, в окна,
хмельна от удали своей,
и брызжа суриком и охрой,
сминала зелень тополей.

...А утром небо стало чистым,
окончился кутеж ночной —
и осень, зарываясь в листья,
похмельной мучилась тоской.

«Этой осенью осень сошла с ума...»

Этой осенью осень сошла с ума,
в желто-красный огонь одета,
ей бы думать о том, что вот-вот зима,
а она все флиртует с летом.

То заглянет в глаза ему с хитрецей,
то совсем от рук отобьется
и подставит веснушчатое лицо
загулявшему в небе солнцу.

А оно тепло из горячих губ
ей вливает, словно наркотик, —
и растерянно птицы летят на юг,
и остаться совсем не против.

Ну а женщина смотрит и смотрит вдаль,
что ей проседь, раз в небе – просинь!
И пускай огнем горит календарь,
как горит сумасшедшая осень...

«Деревья осенью пугливы...»

Деревья осенью пугливы.
Куда там ветер – страшен ветерок.
К ногам ложатся огненные гривы:
Все листья – вместе,
каждый – одинок.

«Как день ноябрьский постарел...»

Как день ноябрьский постарел...
Слезится неба мутный глаз,
и лист, как волос, поредел,
и будто бы в последний час
без птиц и листьев, опустев,
трясутся руки у дерев.

Осенний романс

Угловатость лишней встречи,
угловатость ноября.
Да, я знаю, время лечит —
Только как же без тебя.

Угловатая улыбка,
угловатые слова...
Значит, было все ошибкой,
значит, осень позвала.

Угловато прячешь плечи,
лист осенний беребя.
Да, я знаю, время лечит —
только как же без тебя?

Угловатое прощанье
с горьким привкусом беды...
Что-то время обещает?
В голом в небе – ни звезды.

Что-то будет – чет иль нечет?
Угловатость бытия.
Да, я знаю, время лечит —
только как же без тебя?

Предзимье

Еще не снег, уже не дождь,
отхлынул осени кутеж —
предзимье.
Безвременье спустилось к нам
и хворый по утрам туман
в низины.

Не пропусти, не пропусти
дрожащей лампочки огонь,
когда неверною ногой
ступеньку ищешь.
Ах, зачерпнуть бы января,
чтоб снег летел с календаря,
густой и пышный.

Но утешенье есть и в том:
когда уже предзимним льдом
накрыты лужи,
поднять повыше воротник,
пусть ветер мчит на вороных —
не выдуть душу.

Полутона предзимних чувств,
ограбленный рябины куст

и бывших листьев слабый хруст —
все это с вами.
Бог с ним, с безвременьем таким,
в себе мы время сохраним —
а там уже и снег повалит.

«Посольство севера, старинная зима...»

Посольство севера, старинная зима
опять неспешно по Руси шагает,
к медлительности дум располагает —
приволье для ленивого ума.

Густая ночь так медленно течет
среди деревьев, городов и судеб,
что кажется, предела ей не будет,
и времени еще невпоровот.

И можно, никуда не торопясь,
подслушав музыку в одышке самовара,
искать судьбы неведомую связь
с туманной вязью гаснущего пара.

И быть счастливым в медленном тепле
хотя бы потому, что до рассвета
так далеко и – добрая примета —
веселый чай вскипает на столе.

Зимние дожди

Закипает чайник
или дождь идет?
Музыка прощаний...
Скоро Новый год.

Скоро, скоро, скоро —
ходики стучат.
К мокрому забору
жметя листопад.

Скрипнет пол дощатый,
двери заскрипят.
Музыка прощаний,
музыка утрат.

В омут лета канул
ялтинский бульвар...
Чай налью в стаканы,
Темный, как загар.

В темень дверь открою —
кто там? Заходи...
Но стучат о кровлю
зимние дожди.

«Бежишь...»

Бежишь...

Упала.

У калитки

снег тронут настом, словно лаком, —

я насмотреться не могу:

ты улыбнулась — и улыбка

твоя, как след от птичьих лапок

теперь осталась на снегу.

«Видишь, солнце попало в яблочко...»

Видишь, солнце попало в яблочко:
раздирая кургузый снег,
из зимы, как из куколки бабочка,
появилась весна на свет.

«Я один стою на пристани...»

Я один стою на пристани,
мой корабль оставил порт...
Я теперь на берег списанный,
вроде как не первый сорт.

И у моря на окраине
я слоняюсь просто так —
и такой же неприкаянный
жметя к берегу маяк.

Я бросаю в море камушки,
мимо ходят корабли —
все мои подруги замужем,
все друзья мои вдали.

И ни имени, ни отчества
у печали нет моей —
просто это одиночество
стало к вечеру сильнее.

Черно-белый фотоснимок

Мы на фото получились очень мило:
ты с улыбкой, я с усами, как гусар,
а за нами – белоснежный куст жасмина...
Так пускай же будет вечным этот кадр.

Он напомним, как стояли мы в обнимку,
и на темном фоне как белел жасмин...
Этим скромным черно-белым фотоснимком
дорожить мы будем больше, чем цветным.

Нужно сделать, чтоб за кадром оставались
все невзгоды, что подстерегают нас,
и чтоб мы всегда друг другу улыбались,
как на этой фотографии сейчас.

Пронесутся наши годы золотые,
цвет жасмина обернется сединой —
а пока что мы с тобою молодые,
и фотограф нам попался молодой!

Все цветы

Я прервал повествование на рассказе о своих литинститутских буднях. А ведь были еще и праздники. Вернее, каникулы – для студента любого возраста это всегда праздник. На каникулы я, естественно, ездил в свой родной город Львов, где оставались мои родители и мои друзья. Поэтому мне там было хорошо. Львов первой половины восьмидесятых годов прошлого века был чем-то средним между нашей Прибалтикой и всей остальной страной. Не такой европейский, как Рига или Таллин, но и не такой советский, как все остальные наши города. Сказывалось то, что несколько столетий он входил в состав Австро-Венгрии и Польши, а советская власть там установилась фактически только после войны. Поэтому архитектура, ландшафты да и традиции были не вполне советскими. Ну и кроме того, так как Львов был столицей Западной Украины, то и влияние украинского языка было очень сильно. Практически никто из русскоязычных львовян не говорил по-русски правильно, даже не владея в полной мере украинским языком. Кстати, я-то украинский знаю в совершенстве, потому что у меня было много друзей украинцев, и вообще я считаю, если живешь среди людей определенной национальности, нужно уметь говорить на их языке. А великодержавное отношение к этому вопросу до добра не доводит, в том числе и на бытовом уровне. Так вот, это знание украинского языка, помогая мне быть своим во Львове, сыграло со мной злую шутку в Москве. Оказалось, что в моей речи было очень много украинизмов, неправильных ударений и глагольных форм, причем это проявлялось не только в разговоре, но и в стихах. Но я не обижался, когда мне делали замечания, наоборот, просил как можно чаще указывать на мои ошибки, чтобы я их преодолел. Ну и довольно быстро я избавился от этого недостатка, помог, наверно, музыкальный слух – и теперь я уже сам остро реагирую на неправильности в русском языке, которых сегодня так много и в разговорной речи, и, увы, в песнях. Потому что тексты пишут все подряд, кто и говорить-то толком не может, а худсоветов, к сожалению, не осталось и критерий только один – прибыль. А то, что калечится родной язык, современных радиокоролей не волнует. Главное – рейтинг. Впрочем, я отвлекся. А говорили мы о моих львовских каникулах, которые я проводил в основном в кофейнях, кои в почти европейском Львове были на каждом углу. И вот однажды я там разговорился с одним молодым человеком, который оказался композитором, студентом консерватории. И вот он ко мне пристал с предложением написать песню. Я отказываюсь, мол, какие песни, я занимаюсь серьезной поэзией, а это низкий жанр и все такое. Но он не отставал, а мы подружились и встречались почти ежедневно – и я понял, что мне проще согласиться, чем убедить его в своей позиции. И я написал нечто, что, как мне казалось, могло бы быть текстом песни, – а через две недели мой новый приятель позвал меня во Дворец молодежи послушать нашу песню. И вот я в зале, полном зрителей, и музыканты поют стихи, которые я сочинил. И пятьсот человек их слушают, представляете? Нет, вы не можете этого почувствовать, но поверьте, это невероятное ощущение. Потому что кто сегодня, в наше неэтическое время, интересуется стихами? Ведь эпоха стадионной поэзии канула в Лету вместе с шестидесятыми годами, а сейчас ну кому я могу показать свои стихи? Ну послушают их пять – десять ненормальных, а остальным и дела нету. И я понял: вот он, выход к аудитории. Я обязательно буду писать песни, но только такие, чтобы их тексты были самоценными, чтобы их не стыдно было дать почитать глазами, без музыкальной поддержки. Вот так случай привел меня к песне. А не зайти я тогда в ту кофейню, не разговорись я с тем парнем – и не было бы сегодня песен Симона Осиашвили. Это я к тому, что это уже второй случай, который кардинально изменил мою судьбу. Второй, но не последний. Но об этом позже, а пока что я вернулся в Москву, полный желания писать песни с самыми лучшими композиторами. Но одного желания мало – никто не ждал меня на этом поле, никто не собирался поддерживать. И только почта была за меня. Да-да, я выписал из справочника Союза композиторов адреса тех авторов,

чьи песни мне нравились, и разослал им свои стихи. А потом звонил им и... И в основном они мне говорили, что мои стихи им не интересны. Помнится, так же мне ответил и замечательный композитор Марк Минков. А потом, через несколько лет, когда в моем багаже уже были и «Дорогие мои старики» и «Не сыпь мне соль на рану», дома у меня зазвонил телефон, и голос в трубке назвался именно Марком Минковым, который предлагал мне посотрудничать – конечно, я согласился, не напоминая ему о нашем первом разговоре... Так вот, в основном композиторы вежливо меня посылали, и только Владимир Мигуля, Царство ему Небесное, сказал, что мои стихи ему понравились, и пригласил меня к себе. Я был поражен, когда увидел его рабочий стол, заваленный стихами, которые ему слали ото всюду – все же он был очень популярным композитором. И как он в этом потоке выудил мои опусы – непонятно. Повезло мне, что ли, не знаю. И вот Мигуля, отложив мои листки в сторону, говорит, что есть у него одна мелодия и хорошо бы, если бы я написал на нее стихи. На профессиональном жаргоне это называется «писать на рыбу». Это для меня была незнакомая работа, но я, конечно, не отказался – уж очень хотелось мне сочинить песню с известным композитором. Я и сочинил, только получилось забавно: Мигуле стихи понравились, но он написал на них другую музыку. Так родился первый в моей жизни шлягер, который назывался «Дни летят», исполнила его София Ротару – и через месяц песню запела вся страна. Но тут Мигуля обратил мое внимание, что его исходная мелодия осталась не у дел и предложил написать на нее новые стихи. Что я и сделал, но Мигуле не понравилось то, что я сочинил, – и тогда я снова обратился за помощью к почте. Давид Тухманов, которому я отправил эти стихи, написал на них музыку. Так в моей жизни появилась песня «Старое зеркало», ее исполняли и Катя Семенова, и Ирина Аллегрова, а я получил за нее первый свой диплом на телефестивале «Песня года». Это был 1986 год. Всего этих дипломов у меня 23 штуки. А в 2004 и в 2012 годах мне был дважды вручен «Памятный приз им. Р. Рождественского за вклад в развитие отечественной эстрадной песни».

Особенно мне приятно, что некоторые песни, соавтором которых я являюсь, стали визитными карточками для многих артистов, исполнивших их: для Вячеслава Добрынина это «Не сыпь мне соль на рану», для Тамары Гвердцители – «Мамины глаза», для Игоря Саруханова – «Дорогие мои старики», для Ирины Аллегровой – «Все мы бабы – стервы», для Алексея Глызина – «Зимний сад» и «Ты не ангел», для Ирины Понаровской – «Ты мой бог», для Ярослава Евдокимова – «Колодец», этой песней он начинает и заканчивает концерт уже тридцать лет. А под песню «Все цветы» Николай Басков обходит зрительный зал и буквально собирает урожай букетов.

Я благодарен всем артистам, давшим жизнь моим песням, и считаю их полноправными соучастниками успеха этих произведений. Я глубоко убежден, что кроме композитора и поэта певец является полноценным «родителем» песни, потому что исполнением можно подарить песне крылья, а можно и приземлить ее, чему есть немало примеров. Так Алла Пугачева мало того, что замечательно спела песню «Одуванчик» на мои стихи, так она еще и придумала очень глубокий видеоряд, повернувший произведение совсем другой гранью. У меня облетающий одуванчик был символом любви, не выдержавшей порывов жизненных ветров, а Алла Борисовна показала на экране призывников, которых стригут «под ноль», привнеся в песню такую пронзительную интонацию, которую я как автор и не закладывал в нее.

Я с удовольствием вспоминаю эти и многие другие песни, а также артистов, которые дали моим стихам жизнь – им я их и посвящаю.

Не сыпь мне соль на рану

Вячеславу Добрынину

Ну почему меня не лечит время?
Ведь столько дней прошло с той черной ночи,
Когда, захлопнув дверь, ушла ты в темень,
А рана заживать никак не хочет.

Зачем звонишь, когда почти уснули
Воспоминанья о минувшей боли?
Мы календарь с тобой перевернули —
Так дай мне право жить своей судьбою.

Не сыпь мне соль на рану,
Не говори навзрыд,
Не сыпь мне соль на рану —
Она еще болит...

Когда-нибудь еще раз позвонишь ты,
И я, чтоб мы с тобою стали квиты,
Тебе отвечу: «Знаешь, третий лишний...»,
Быть может, полоснув по ране бритвой.

Зимний сад

Алексею Глызину

Которую неделю
Метут метели —
Не видно неба над землей...
И вот в такую выюгу
Столкнулись мы друг с другом
В саду, где встретились весной.

Наверное, случайно,
Мы друг от друга в тайне
Вернулись оба в этот сад —
Расстались мы однажды,
И нам уже не важно,
Кто прав из нас, кто виноват.

Зимний сад, зимний сад
Белым пламенем объят —
Ему теперь не до весны.
Зимний сад, зимний сад —
Белым сном деревья спят,
Но им, как нам, цветные снятся сны.

Наверно, мы напрасно
В былой вернулись праздник,
Когда такие холода —
И, как другим проходим,
Нам холодно, но все же
Зачем-то мы пришли сюда...

Ты не ангел

Алексею Глызину

Сколько всего о тебе говорят,
Только все это напрасно —
Где снегопад, ну а где звездопад,
Сам я смогу разобраться.

Мне ведь совсем незачем знать,
Что там с тобой было раньше, —
Раз ты меня научила летать,
Значит, не может быть фальши.

Ты не ангел,
Но для меня, но для меня
Ты стала святой.
Ты не ангел,
Но видел я, но видел я
Твой свет неземной.
Пусть не ангел ты,
Но если мне темно,
Приносишь ты счастливую весть,
Пусть не ангел ты —
Мне это все равно,
Ведь для меня
Сошла ты с небес.

Сморишь ты в зеркало или в окно —
Волосы вьются по ветру...
Даже не знаю, за что мне дано
Счастье увидеть все это.

И не потом, и не сейчас
Не разлучить нас с тобою —
Люди когда-то, задолго до нас,
Это назвали любовью.

Пепел любви

Алексею Глызину

Приговор, приговор
Вынес я сейчас
Любви:
Нам не быть вдвоем.
Был костер, был костер,
Но давно угас,
А мы
Угли бережем.
Но не согреемся мы
На пепелище любви.

Я сожгу, я сожгу
Письма от тебя:
Пушай
Жизнь рассудит нас...
И врагу, и врагу
Не желаю я
Того,
Что со мной сейчас.
Только уж лучше, чем тлеть,
Вспыхнуть – и сразу сгореть.

Ветер, ветер, ветер-бродяга
Без следа развеет этот горький дым.
Пеплом, пеплом станет бумага,
Пеплом твоим и моим.

В тишине, в тишине
Тлеет, чуть жива,
Свеча —
Я склонюсь над ней.
Пусть в огне, пусть в огне
Корчатся слова,
Поверь,
Мне еще больней.
Но я стерплю эту боль,
В дым обращая любовь.

Колодец

Ярославу Евдокимову

За дорогой кольцевой,
Как привет из прошлого,
Повстречался нам с тобой
Уголок заброшенный.
Опустевший старый дом,
Без вины покинутый,
И колодец под окном
С небом опрокинутым.

Колодец, колодец,
Дай воды напиться!
Колодец, колодец,
Дай неба глоток.
Быть может, быть может,
Еще возвратится
Счастливое время
И в наш уголок.

Мы не зря пришли сюда:
Здесь обиды кончатся,
И прощаться навсегда
Нам с тобой расхочется.

Мы сюда еще придем,
Чтоб в ошибках каяться —
Ведь в колодце даже днем
Звезды отражаются.

Дни летят

Софии Ротару

В юности кажется: жизнь бесконечной
Будет всегда —
Можно мгновения тратить беспечно,
Дни и года.

Но незаметно полжизни проходит —
Не вернуть...
И невозможно ушедшие годы
Снова прожить.

Дни летят,
За рассветом – закат,
За годами – года,
Дни летят...
Не забудь,
Что ни дня не вернуть,
Не вернуть никогда —
Не забудь.

Пусть нам достались несхожие судьбы,
Нужно суметь
Выбрать дорогу и всех, кого любим,
Счастьем согреть.

Нужно спешить, нужно жизни навстречу
Сердце открыть —
Жизнь так прекрасна и так
быстротечна —
Нужно спешить.

Все цветы

Николаю Баскову

Кружится Земля,
И ночь сменяет день —
Только для меня
Часы стоят,
Потому что я
Счастливей всех людей —
Мне Бог с небес послал
Тебя!

Все цветы,
Что только есть на свете, я сорву,
Чтобы ты
Открыла сердце мне свое...
Все цветы
Тебе одной лишь только я дарю,
Все цветы,
И сердце верное мое.

Как мне хорошо
Смотреть в глаза твои
И своей душой
Прильнуть к твоей...

Кружится Земля
Сейчас для нас двоих —
Нет больше никого
На ней.

На небе след моих губ

Филиппу Киркорову

Я бы спел тебе песню, но ты ее не услышишь,
Я построил бы дом, но ты в нем не захочешь
жить —
И огромное небо, свернувшись, лежит на крыше,
Я смотрю на него – и не знаю, о чем просить.

На небе след моих губ —
Это я целовал тебя,
На небе след моих рук —
Это я обнимал тебя.
У неба цвет твоих глаз,
Оно плачет и плачет дождем —
Небо помнит о нас —
Это мы забыли о нем.

Может, мы заблудились, когда улетали
к звездам,
Может быть, потеряли друг друга в земной
толпе...
И я небо листаю, как будто читаю прозу —
А когда-то стихи я на небе писал тебе.

За милых дам

Михаилу Шуфутинскому

Мне нравятся все женщины на свете:
Блондинка ли, брюнетка – все равно...
Признаюсь, не бросаю слов на ветер,
Что для себя решил я уж давно:

«За милых дам, за милых дам!» —
Мой первый тост и тут и там.
Без милых дам, без милых дам
Как день прожить – не знаю сам.
Для милых дам, для милых дам
Всегда я свеж не по годам —
И если надо, жизнь отдам
За милых дам!

А тем, кто без подруги пропадает,
Открою я сейчас один секрет:
Ведь некрасивых женщин не бывает,
Бывают лишь мужчины так себе.

Но, как никто, нуждаюсь я в совете,
Ведь мучаюсь я каждую весну:
Мне нравятся все женщины на свете,
А выбрать надо все-таки одну.

Капля в море

Валентине Легкоступовой

Я рукой поглажу море —
На щенка похож прибой.
Жаль, что мы с тобою в ссоре —
Был бы рядом ты со мной.

Собралась я, было, плакать,
Но шепнула мне волна,
Что слеза – всего лишь капля,
Капля в море не видна.

Капля в море, капля в море,
А на море – корабли.
Капля горя, капля горя
В море солнца и любви.

Если есть начало ссоры,
Значит, будет и конец —
И случится очень скоро
Встреча наших двух сердец.

Были волны, словно горы,
Станут тихими потом —
И тогда мы нашу ссору
Каплей в море назовем.

Я пришел к тебе совсем

Александру Буйнову

Мы сидим с тобой на старой кухне,
Молча тянем горькую со льдом...
Раньше думал я, что небо рухнет,
Если мне вернуться в этот дом.

Но уходит жизнь, как лед в бокале,
И теперь я стал совсем другим:
Мы так долго врозь с тобой молчали,
Так давай же вместе помолчим.

Я пришел к тебе совсем,
И не спрашивай зачем,
Я пришел – и этим все сказал.
Я пришел к тебе совсем,
И спрошу тебя: «Ты с кем?» —
И ответ увижу по глазам.

Я так долго маялся по свету,
Все чего-то нового искал,
И не понимал, что кухня эта —
Для меня единственный причал.

Мы от одиночества устали,
Но теперь-то мы с тобой вдвоем...
Ничего, что тает лед в бокале —
Вместе мы и теплую допьём.

Бабушки-старушки

Вячеславу Добрынину

У подъезда кто сидит
Целый день обычно?
Кто на нас всегда сердит
И ворчит привычно?

Кто ругает снег за снег,
Дождь за дождь ругает
И, конечно, лучше всех
Все на свете знает?

Бабушки, бабушки, бабушки-старушки,
Бабушки, бабушки – ушки на макушке.
Бабушки, бабушки, мы вас уважаем,
Только как вас понять, мы, увы, не знаем.

Кто когда к кому пришел,
Кто чего нарушил —
Все известно хорошо
Бабушкам-старушкам.

Покачают головой
Строго и сурово —
И боится их порой
Даже участковый.

Спасатель (Ах друзья мои, друзья)

Вячеславу Добрынину

На лодочной на станции
Работаю спасателем,
И ангелом-спасителем
Зовут меня не зря:
Хотите, не хотите ли,
Спасу вас обязательно —
Ведь все, кого я выручил,
Теперь мои друзья.

Ах, друзья мои, друзья!
Как вы там живете-можете?
Ах, друзья мои, друзья!
Теперь вы все — моя родня.
Когда-нибудь, когда-нибудь
Вы тоже, тоже мне поможете:
Когда-нибудь от одиночества
Спасете вы меня!

На лодочной на станции
Ангары все задраены,
Ледком вода подернулась,
И можно отдыхать...

Но я все дни по берегу
Слоняюсь неприкаянно —
Мне очень-очень хочется
Кого-нибудь спасти.

Одуванчик мой, моя любовь

Алле Пугачевой

Голодный ветер просит есть,
И я кормлю его с руки —
Мне одуванчиков совсем, совсем не жаль,
Но сердце рвется на куски.

Душа, голодная, как зверь,
Опять в мою стучится жизнь —
Ее одной любовью можно накормить,
Но где мне взять ее, скажи?..

Одуванчик мой, моя любовь, прости —
Время нелюбви сейчас на белом свете.
Одуванчик мой, моя любовь, лети —
Встретимся с тобой потом, когда утихнет ветер...

Глаза слезятся на ветру,
Но я рукой смахну слезу —
Пусть одуванчики подстрижены под ноль,
Им эта стрижка так к лицу.

И мне к лицу моя печаль —
И, значит, не узнаешь ты,
Что без любви душа подстрижена под ноль,
Как эти бывшие цветы...

Продавец цветов

Валерию Леонтьеву

Если б я служил в цветочном магазине,
Я бы все цветы бесплатно раздавал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.